

Научная статья

УДК 316.2

doi: 10.17223/1998863X/87/16

ПАРАДОКС МИНИХА И МАШИНЕРИЯ АБСУРДА: ПОДПОРУЧИК КИЖЕ ВСТРЕЧАЕТСЯ С К. МАРКСОМ И М. ВЕБЕРОМ

Азат Борисович Рахманов

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия,
azrakhmanov@mail.ru*

Аннотация. В статье повесть советского писателя Ю.Н. Тынянова «Подпоручик Кизе» впервые в отечественной и мировой научной литературе анализируется с помощью концепции бюрократии К. Маркса и концепции легитимного господства М. Вебера. Это позволяет не только более глубоко понять сюжет повести и сделать наглядным, визуализировать содержание концепций двух великих социальных теоретиков, но и обнаружить ситуативное преимущество эстетического мышления над научным мышлением.

Ключевые слова: К. Маркс, М. Вебер, Ю.Н. Тынянов, «Подпоручик Кизе», бюрократия, концепция легитимного господства

Для цитирования: Рахманов А.Б. Парадокс Миниха и машинерия абсурда: подпоручик Кизе встречается с К. Марксом и М. Вебером // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 87. С. 175–191. doi: 10.17223/1998863X/87/16

Original article

MÜNNICH'S PARADOX AND THE MACHINERY OF THE ABSURD: SECOND LIEUTENANT KIZHE MEETS KARL MARX AND MAX WEBER

Azat B. Rakhmanov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, azrakhmanov@mail.ru

Abstract. This article presents the first analysis in Russian and international scholarship of Soviet writer Yuri Tynyanov's novella *Second Lieutenant Kizhe* through the theoretical lenses of Karl Marx's concept of bureaucracy and Max Weber's theory of legitimate domination. The plot of Tynyanov's work, alongside the historical context of Emperor Paul I's reign, must be understood within the framework of a feudal-capitalist synthesis. This synthesis emerged from the modernization of the Russian Empire initiated by Peter the Great's reforms, resulting in a state that combined feudal (patrimonial) and capitalist (legal-rational) characteristics. Burkhard Christoph von Münnich's famous paradox regarding the Russian state and God reflects this hybrid state structure. Key elements of the novella's plot can only be fully comprehended through Marx's theory of bureaucracy, which identifies defining features such as corporatism, formalism, a hierarchy of knowledge, secrecy, authority, and careerism. Simultaneously, other narrative components are best illuminated by Weber's concept of legitimate domination, which establishes a dichotomy between legal-rational and traditional (patrimonial) types of authority and their corresponding administrative structures. While Tynyanov's aesthetic cognition – like artistic thought in general – may lack the systematic profundity of the scientific theories developed by Marx

and Weber, it nevertheless offers unique advantages. First, Tynyanov portrays bureaucracy as an organic whole characterized by the interplay of its various elements, whereas Marx and Weber tend to analyze it through discrete components. Second, Tynyanov captures the dynamic processes of bureaucratic systems, while Marx and Weber primarily reflect their static structures. Consequently, the bureaucracy in Tynyanov's novella operates as a "machinery of the absurd", and the author's aesthetic critique proves more incisive than Marx's, and substantially more so than Weber's comparatively apologetic stance. Ultimately, however, none of the three thinkers – Marx, Weber, or Tynyanov – fully uncovers the deepest roots of bureaucracy as a social phenomenon.

Keywords: Karl Marx, Max Weber, bureaucracy, theory of legitimate domination, Yury Tynyanov, "Second Lieutenant Kizhe"

For citation: Rakhmanov, A.B. (2025) Münnich's paradox and the machinery of the absurd: second lieutenant Kizhe meets Karl Marx and Max Weber. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 87. pp. 175–191. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/87/16

Введение

Существенные закономерности социальных явлений отражаются в рациональной форме, т.е. в науке, в научном мышлении, и в образной форме, т.е. в искусстве, в эстетическом мышлении. Наука познает существенное в форме всеобщего, искусство – в форме единичного. Гегель в «Лекциях по эстетике» утверждал, что философия и искусство обладают одним и тем же предметом постижения, различие же между ними заключается в том, что первая познает его с помощью понятий, второе – с помощью чувственного созерцания, образов [1. Т. 1. С. 170–173]. К философии Гегель относил и теоретическое знание об обществе. Научное мышление, безусловно, обладает большей глубиной и универсализмом, чем эстетическое, но в определенных случаях последнее способно превзойти первое. Хорошо известно замечание Ф. Энгельса в письме к британской писательнице М. Гаркнесс от апреля 1888 г., что «Человеческая комедия» Бальзака в отражении экономических деталей развития Франции эпохи 1816–1848 гг., например, перераспределения собственности, дала ему больше, чем труды всех специалистов – историков, экономистов и статистиков этого периода, вместе взятых [2. Т. 37. С. 36]. Венгерский философ Д. Лукач в своем фундаментальном труде «Своеобразие эстетического» писал, что происходит не только обогащение картины мира в искусстве благодаря науке, но и «обогащение научной картины мира с помощью искусства» [3. Т. 1. С. 166]. Сопоставление научного и эстетического мышления, их взаимный фокус позволяют не только выявить их познавательный потенциал, но и достичь более глубокого, многостороннего и яркого постижения предмета, на который они направлены.

Одним из ключевых социальных явлений, которые рассматривала наука последних двух веков, была бюрократия. Существуют два наиболее значительных и влиятельных исследования бюрократии, принадлежащие двум главным классикам социальных наук того же периода – К. Марксу и М. Веберу. Речь идет о концепции бюрократии раннего Маркса (рукопись «К критике гегелевской философии права») и концепции легитимного господства позднего Вебера (рукопись «Хозяйство и общество»). Все последующие концепции бюрократии были в той или иной степени производными от них. В частности, взгляды на бюрократию Р. Мертон [4. С. 323–338], С. Паркин-

сона [5], М. Крозье [6] в большей или меньшей степени являются воспроизводством идей Маркса и Вебера и комментариями к ним. Концепции бюрократии как класса, представленные, например, в трудах Б. Рицци [7], М. Джиласа [8], К.А. Виттфогеля [9], М.С. Восленского [10], также явно или неявно опирались на них. Британский философ и математик А. Уайтхед некогда заметил о европейской философии, что она была лишь рядом подстрочных примечаний к философии Платона. В этом же духе можно сказать, что все концепции бюрократии после 1920 г. были рядом подстрочных примечаний к идеям Маркса и Вебера.

Вместе с тем одним из наиболее ярких произведений отечественной и мировой художественной литературы, посвященных бюрократии, является замечательная повесть «Подпоручик Киже» советского писателя Ю.Н. Тынянова. Она занимает особое место в ряду произведений мировой художественной литературы, затрагивающей проблемы бюрократии (Н.В. Гоголь, О. Бальзак, М.Е. Салтыков-Щедрин и др.), в связи с тем, что ее сюжет построен на гротеске: бюрократия способна выдать несуществующего человека за существующего и обеспечить ему блестящую карьеру, а существующего – игнорировать как несуществующего. Художественный прием, использованный Тыняновым, позволяет более ярко и выпукло показать природу бюрократии. Предпримем попытку анализа содержания повести «Подпоручик Киже» с помощью концепции бюрократии К. Маркса и концепции легитимного господства М. Вебера. С одной стороны, произведение Тынянова выступает как иллюстрация к концепциям Маркса и Вебера, с другой стороны – эти концепции помогают более глубоко понять содержание повести Тынянова. Подобная попытка в российской и мировой научной литературе предпринимается впервые.

Концепция бюрократии раннего К. Маркса и концепция легитимного господства позднего М. Вебера: сила и ограниченность

Рукопись Маркса «К критике гегелевской философии права» (1843, первая публикация – 1927) была посвящена критике высшей формы развития науки об обществе к тому времени – социальной философии Гегеля, изложенной в «Основах философии права» (1821). Критика теории общества Гегеля стала исходным пунктом развития теоретического мышления Маркса, а критика взглядов Гегеля на бюрократию выступила как необходимая предпосылка создания концепции бюрократии Маркса. Гегель полагал, что бюрократия, как и государство, служит орудием Абсолютного духа. Она, являясь частью всеобщего сословия, выражает всеобщие интересы, интегрируя их из множества частных интересов – интересов отдельных персон и корпораций, т.е. преследующих свои частные (корыстные) интересы объединений гражданского общества, к которым относились сословия, субсословия, цеха, гильдии, общины и т.п. Если отдельные бюрократические группы уклоняются от своего предназначения и совершают злоупотребления, то порядок восстанавливается с помощью двойного контроля, контроля сверху и снизу – со стороны монарха и со стороны корпораций. Гегель писал: «Обеспечение государства и управляемых против злоупотребления властью со стороны ведомств и их чиновников заключается, с одной стороны, непосредственно в их иерар-

хии и ответственности и, с другой стороны, в правах общин, корпораций, посредством которых сами собой ставятся помехи примешиванию субъективного произвола в доверенную чиновнику власть, и контроль сверху, оказывающийся недостаточным по отношению к отдельным случаям такого или другого обращения, дополняется контролем снизу» [11. С. 334–335]. Одно из ключевых противоречий концепции бюрократии Гегеля заключается в том, что бюрократия должна, с одной стороны, отстаивать всеобщий интерес, и, с другой стороны, она является лишь частью одного из сословий – всеобщего, и это противоречие было проанализировано в концепции бюрократии раннего Маркса.

Концепция бюрократии Маркса была основана на выделении шести характеристик бюрократии. Во-первых, это корпоративизм. Бюрократия вместо того, чтобы служить всеобщим интересам, снимая частные интересы множества корпораций, сама становится корпорацией со специфическими частными интересами. Она превращает государство в свою частную собственность, приватизирует его. Государственные цели в деятельности каждого бюрократа подменяются личными целями, своекорыстием. Во-вторых, это формализм. Бюрократия по своей сути есть государство как формализм. Духом бюрократии является формальный дух государства. Бюрократия себя считает конечной целью государства, и она формальное выдает за содержательное, а содержательное – за формальное. Государственные задачи превращаются в канцелярские, канцелярские – в формальные. В-третьих, это иерархия знания. Высшие инстанции полагаются на низшие в том, что касается знания частных дел, низшие инстанции полагаются на высшие в том, что касается знания всеобщего. В результате этого низшие инстанции поставляют наверх только такое частное знание, которое подтверждает транслированное сверху всеобщее знание. В результате этого происходит не взаимная корректировка всеобщего и частного знания, а взаимное введение друг друга в заблуждение высшими и низшими инстанциями бюрократии. В-четвертых, это тайна, которая является всеобщим духом бюрократии, тогда как дух открытости воспринимается ею как предательство. В-пятых, это авторитет. Обогащение авторитета, т.е. высшей инстанции, служит образом мысли бюрократии. В-шестых, это карьеризм как мотивация деятельности каждого отдельного бюрократа. Он руководствуется не целями государства, а личными целями – погоней за чинами, карьерой [12. С. 49–52]. И здесь мысль Маркса, словно бы двигаясь по витку спирали, возвращается на более высоком уровне к первой характеристике. Как видим, если взгляд Гегеля на бюрократию был преимущественно благожелательным и некритичным, то воззрения на нее раннего Маркса являлись весьма критическими.

Концепция легитимного господства М. Вебера была разработана в его главном труде – незавершенной рукописи «Хозяйство и общество» (1909–1920; первая публикация – 1921/22), причем в двух вариантах – в довоенной и в послевоенной частях рукописи. Наибольший интерес представляет послевоенная часть «Хозяйства и общества» (глава «Типы господства»), в которой взгляды Вебера приобрели систематизированную, зрелую форму, и из нее мы будем исходить. Вебер определяет господство как шанс найти повиновение специфическим или же всем приказам у определенной группы лиц [13. С. 449]. Он выделяет три типа легитимного господства, причем каждому со-

ответствует специфический штаб управления, посредством которого господин (*der Herr*), т.е. высший властитель, управляет человеческой общностью. Бюрократия – это штаб управления, характерный для легального типа господства. Бюрократия предполагает, что чиновники: 1) будучи лично свободными, подчиняются только функциональным служебным обязанностям, 2) действуют в рамках строгой должностной иерархии, 3) действуют в рамках строгой должностной компетенции, 4) назначаются, но не избираются на должность в силу контракта, т.е. на основе свободного отбора, 5) назначаются, но не избираются на должность на основе профессиональной квалификации, подтвержденной сдачей экзаменов и получением соответствующих дипломов, 6) вознаграждаются строго определенным денежным содержанием и – по уходу в отставку – пенсионным обеспечением, 7) рассматривают свою должность в качестве главной или основной профессии, действуют 8) в условиях ориентации на карьеру, осуществляющуюся в соответствии либо со стажем работы, либо результатами деятельности, либо тем и другим, причем оценку производит вышестоящий начальник, 9) в условиях полного отделения от средств управления и присвоения должности и 10) в рамках строгой единой дисциплины и контроля [13. S. 459–460]. Господство посредством бюрократии, по Веберу, в целом характеризуется формализмом, иерархией знания, тайной и безличным характером отношений.

Концепция легитимного господства Вебера включает в себя также и концепции традиционного и харизматического господства. Легальному господству Вебер в основном противопоставляет первое, поэтому отвлечемся от харизматического господства и его штаба управления, который к тому же характеризуется немецким ученым бегло. Вебер выделяет две модификации традиционного господства – со штабом управления (патримониализм) и без него (геронтократия и первоначальный патриархализм) [13. S. 475]. В значительной мере эти концептуальные компоненты введены ученым для того, чтобы наиболее полно выявить специфику легального господства и бюрократии. Тем самым Вебер, помимо позитивного определения бюрократии, предлагает и ее негативное определение – через отрицательность по отношению в первую очередь к традиционному (патримониальному) штабу управления. Вебер выделил патримониальный и экстрапатримониальный способы рекрутирования в патримониальный штаб управления. В случае первого способа в состав штаба управления входят а) члены родового клана, б) рабы, в) министериалы, г) клиенты, д) колонны, е) вольноотпущенники; в случае второго способа – а) фавориты, б) вассалы, г) свободные чиновники [13. S. 469–470]. В патримониальном штабе управления отсутствуют: 1) строгая компетенция, 2) строгая рациональная иерархия, 3) упорядоченное назначение в силу свободного контракта и упорядоченное восхождение по служебной лестнице, 4) профессиональная подготовка, 5) строго определенное (часто) и денежное (еще чаще) содержание [13. S. 471]. Деятельность членов патримониального штаба управления определяется не следованием должностным обязанностям, а преданностью личности господина. Здесь подчиняются традиции и свободному произволу господина, который допускается традицией. Вебер выделяет в качестве особой разновидности патримониального господства султанизм, который характеризуется тем, что господство осуществляется в сфере свободного и не связанного традициями произвола [13. S. 476]. Вебер рассмат-

ривал бюрократию как необходимость и предпосылку прогрессивного движения общества по пути рационализации – от традиционного к легальному господству.

Очевидно, что воззрения Вебера на бюрократию не только во многом выступали как развитие и конкретизация идей Гегеля, но и в определенной мере пересекались со взглядами Маркса, причем если с «Философией права» Гегеля Вебер мог быть знаком, то содержание рукописи Маркса ему, безусловно, было неизвестно, поскольку она была опубликована после его смерти. Концепция бюрократии Маркса, несомненно, уступает концепции легитимного господства Вебера в том, что касается широты охвата, системности и детальной разработки проблематики. Первая на фоне второй выглядит фрагментарной. Вместе с тем безусловное превосходство концепции Маркса заключается в его критическом подходе к бюрократии, тогда как воззрения Вебера страдали избыточной позитивностью и даже апологетикой.

При анализе взглядов молодого Маркса на бюрократию следует помнить, что в 1843 г. Маркс еще не был марксистом, не пришел к материалистическому пониманию истории и коммунизму, он был идеалистом и революционным демократом. Материалистическое понимание истории Маркса и Энгельса в первоначальной форме возникнет в их совместной рукописи «Немецкая идеология» (1845–1846), его же зрелая форма будет воплощена в первом томе «Капитала» К. Маркса (1867). Маркс в 1843 и 1845–1846 гг. не осознавал самых глубоких корней бюрократии, а зрелый Маркс к систематическому и специальному исследованию бюрократии (и государства) так и не обратился, поскольку все его силы были отвлечены на создание теории капиталистического способа производства (теории прибавочной стоимости) в четырех томах «Капитала». Систематическое и детальное исследование капиталистического способа производства, осуществленное зрелым Марксом в «Капитале», создавало предпосылки для создания более глубокого, систематического и детального исследования государства и бюрократии, чем концепция легитимного господства Вебера, однако ни Маркс, ни последующие поколения марксистов так и не реализовали эту перспективу. Если концепция капиталистического способа производства К. Маркса, вне всякого сомнения, превосходит по глубине и систематичности концепцию капитализма М. Вебера, то сравнение концепции бюрократии раннего Маркса, да и взглядов на государство зрелого Маркса, с концепцией легитимного господства Вебера не позволяет однозначно определить оптимальную мыслительную перспективу.

Сила и влияние концепции бюрократии раннего Маркса и концепции легитимного господства позднего Вебера заключались в адекватном отражении многих особенностей бюрократии и государства в целом. Вместе с тем общим недостатком этих концепций было то, что оба выдающихся социальных теоретика и не осознавали наиболее глубоких корней бюрократии, коими являются, во-первых, общественное разделение труда, которое вначале приводит к отделению умственного труда от физического, а впоследствии – к обособлению управленческого труда как особой разновидности умственного труда, во-вторых, возникновение классов и классовой эксплуатации. При этом обе причины взаимообусловлены: чем выше уровень развития производительных сил и сопутствующее разделение труда, тем в большей чистоте возникает общество классов и классовой эксплуатации. Зрелое классовое об-

щество формируется только на основе индустриального капиталистического способа производства, и в этом обществе наивысшего во всемирной истории расцвета достигают частные интересы, следовательно, существует развитая потребность в органе осуществления всеобщих интересов, чем и является бюрократия. Самая зрелая форма бюрократии возникает и существует только в индустриальном капиталистическом обществе. Докапиталистические и доиндустриальные общества были обществами с неразвитыми производительными силами, неразвитым разделением труда, неразвитыми частными интересами и, следовательно, неразвитой бюрократией.

Существо управленческого труда заключается в интеграции и координации множества отдельных видов труда, которым занимаются множество специализированных работников, что предполагает постановку целей и определение средств общественного труда, контроль и корректировку процесса труда, анализ полученных результатов, последующее преобразование цели и средств, наконец, переход к новому циклу труда. Если на низших уровнях управленческого труда господствует необходимость рутинных, повторяющихся умственных операций, то на высших уровнях управленческого труда, предполагающих управление большим количеством видов труда и работников, возникает возможность господства уникальных, нестандартных умственных операций, т.е. творчества, но речь идет именно о возможности. А это означает, что стремление чиновника делать карьеру может быть обусловлено не только внешней для личности необходимостью (властью над людьми, большей заработной платой, почестями и т.п.), но и внутренней необходимостью, а именно самосовершенствованием, самореализацией, что возможно только посредством творчества. В этом заключается решающее различие между гоголевским Акакием Акакиевичем и историческим Наполеоном Бонапартом. Однако Маркс и Вебер не осознавали творческого аспекта управленческого труда, и для них стремление чиновника делать карьеру было вызвано только внешней необходимостью, т.е. жадой потребления, обогащения и власти, что следует из их рассмотрения карьеризма как характеристики бюрократии. Заметим, что Маркс лишь в III томе «Капитала» подошел к различению творческого и рутинного труда вообще, что выразилось в едва намеченном им различении всеобщего труда (*die allgemeine Arbeit*) и коллективного труда (*die gesellschaftliche Arbeit*) [14. В. 25. S. 113–114], Вебер же этой проблемы так никогда и не коснулся.

Россия XVIII – первой половины XIX в. и парадокс Миниха

Действие повести Ю.Н. Тынянова «Подпоручик Киж» разворачивается в период правления российского императора Павла I (1796–1801). Уже прошел примерно век с того времени, когда царь Петр I, воспринимая импульсы, исходящие от передовой и здравомыслящей части феодального класса России, начал масштабные реформы, которые заключались в модернизации феодально-сословного строя достижениями доиндустриальной капиталистической Западной Европы в области военного дела (армия и флот), государственного управления, мануфактурного производства, транспорта, образования, науки, духовной жизни и быта. Эти реформы были вызваны тем, что в конце XVII в. были очевидны слабость России в военном противостоянии с соседями – фе-

одальными Крымским ханством и Османской империей, а также военное и общее отставание от европейских государств, которые шли путем капиталистического развития. Образцом для реформ Петра I служили Нидерланды и Англия (Великобритания с 1707 г.), а также Германия и Швеция. Нидерланды, в которых в 1566–1609 гг. произошла первая буржуазная революция в истории, являлись самой развитой капиталистической страной XVII в. Маркс в «Капитале» назвал Нидерланды «образцовой капиталистической страной XVII века» [14. В. 23. S. 779]. Великобритания, в которой в 1642–1651 гг. произошла вторая буржуазная революция в истории, в конце XVII и начале XVIII в. встала на путь превращения в ведущую капиталистическую державу мира, оттеснив с этой позиции Нидерланды. В этих двух странах, а также в Германии Петр I находился длительное время в 1697–1698 гг., когда он де-факто завершил свое образование. Швеция, ставшая по итогам Тридцатилетней войны 1618–1648 гг. ведущей военной державой Восточной Европы, выступила в Северной войне 1700–1721 гг. как противник союза России, Дании, Саксонии и Речи Посполитой. Поражения, которые армия Петра I потерпела в начале войны, дали властный импульс к реформам. Нидерланды, Великобританию, Германию и Швецию объединяло то, что во всех этих странах развивались, хотя и с разной скоростью, капиталистический способ производства и соответствующая социально-классовая структура, а также формировалось капиталистическое государство, т.е. то, что Вебер назвал легальным типом господства с бюрократией как штабом управления.

Модернизация России, осуществленная Петром I и его преемниками, была попыткой преодолеть (оптимизировать) систему внутренних противоречий феодального способа производства и феодального общества (патримониального господства) с помощью капиталистических (легально-бюрократических) средств, что закономерно создавало новую систему противоречий – между автохтонными феодальными и импортированными капиталистическими началами. В результате этой модернизации возник парадоксальный феодально-капиталистический синтез, взаимопроникновение двух систем противоречий, что выражалось не только в том, что феодальный способ производства, феодальная сословно-классовая структура, феодальное государство и религиозное общественное сознание были дополнены технологическими, социальными и духовными компонентами, заимствованными из капиталистической Европы, но и в том, что заимствованные компоненты подвергались феодальной трансформации (адаптации) и переосмыслению. Иначе говоря, одновременно происходила модернизация патримониального общества и патримониализация импортированных капиталистических отношений, институтов и идей. Но следует подчеркнуть: поскольку способ производства, на котором основывалась Российская империя, оставался феодальным, то в этом синтезе было больше феодального, чем капиталистического. Важно отметить, что модернизация России осуществлялась с целью усиления феодального государства и оптимизации феодального способа производства, но, помимо воли ее инициаторов, вела в перспективе к переходу от феодальной к капиталистической экономической общественной формации. Здесь уместно вспомнить о гегелевской «иронии истории». В этом заключалось существо Российской империи от реформ Петра I до реформ Александра II, которые ускорили движение страны к капиталистическому

обществу, хотя заметные феодальные черты общества и государства сохранились и накануне 1917 г.

Наиболее примечательным проявлением феодально-капиталистического синтеза являлось российское самодержавие XVIII и первой половины XIX в. С одной стороны, это была феодально-сословная монархия (патримониализм), временами принимавшая форму деспотизма (султанизма), с другой стороны, самодержавие служило проведению модернизации. Речь в данном случае шла о патримониально-султанистских средствах продвижения к легальному господству и о легальных средствах расширенного воспроизводства патримониально-султанистского господства. Об одном из аспектов этого противоречия императорской России А.С. Пушкин в черновике письма к П.Я. Чаадаеву от 19 октября 1836 г. заметил, что «правительство все еще единственный европеец в России» [15. Т. 10. С. 363]. Слова Пушкина отражали то обстоятельство, что высший слой феодально-государственной иерархии во главе с императором был наиболее последовательным субъектом модернизации и рационализации феодального российского общества.

Одним из наиболее примечательных проявлений феодально-капиталистического синтеза была внедренная в 1722 г. и прослужившая (с некоторыми модификациями) до 1917 г. «Табель о рангах», которая отражала иерархию чинов из 14 рангов гражданской, военной и придворной службы. Каждый чин означал профессиональную квалификацию и вместе с тем представлял собой сословную, субсословную или квазисословную квалификацию. Представители разных сословий в соответствии с заслугами и выслугой лет могли совершать восхождение в рамках этой иерархии, а выходцы из низших сословий, помимо этого – еще и приобретать дворянское достоинство и привилегии. С 1722 по 1845 г. для того, чтобы стать дворянином, простолюдин должен был получить чин 14-го (низшего) ранга на военной службе и 8-го ранга на гражданской, с 1845 по 1856 г. – 8-го и 5-го соответственно, с 1856 по 1917 г. – 6-го и 4-го рангов соответственно. Таким образом, «Табель о рангах» была выражением и сословной, и государственно-бюрократической системы императорской России и, если использовать понятия Вебера, выражением синтеза патримониального и легального господства, а также соответствующих штабов управления.

Вышеуказанные противоречия феодально-капиталистического (патримониально-легального) синтеза, воплощенного в Российской империи, были отражены в знаменитом парадоксе, приписываемом российскому военачальнику немецкого происхождения генерал-фельдмаршалу Бурхарду Кристофу фон Миниху, но сформулированном в действительности его сыном, российским государственным деятелем и мемуаристом Иоганном Эрнестом Минихом в 1765 г. Этот парадокс гласит: «Русское государство обладает тем преимуществом перед другими, что управляется непосредственно самим богом, ибо иначе нельзя объяснить себе, каким образом оно могло уцелеть» [16. С. 265]. Высказывание Иоганна Миниха отражает сложность, недостаточную эффективность и непредсказуемость управления Российской империей с помощью легально-бюрократических средств в условиях феодально-капиталистического синтеза и взаимопроникновения двух систем противоречий, к тому же в огромной по размерам и суровой по природно-климатическим условиям стране. Парадокс Миниха подчеркивает, что в рамках такой соци-

ально-природной констелляции государственная машинерия¹ Российской империи перестает функционировать размеренно и четко, производит не искомый результат, а нечто противоположное – вновь уместно вспомнить об «иронии истории» – и, следовательно, обеспечить выживание и развитие страны в таких условиях под силу не земной высшей бюрократической инстанции, а лишь трансцендентному идеальному господину, т.е. богу. Очевидно, Миних противопоставляет ситуации России простоту, эффективность и предсказуемость управления с помощью этих же средств в западноевропейских государствах, которые в середине XVIII в. в той или иной степени были уже капиталистическими (легально-бюрократическими).

«Подпоручик Кижее»: историческая подоплека сюжета

Повесть советского писателя Ю.Н. Тынянова «Подпоручик Кижее» была написана в 1927, а опубликована в 1928 г. Следовательно, Тынянов не был знаком с «Критикой гегелевской философии права» Маркса, а также, вероятнее всего, – и с «Хозяйством и обществом» М. Вебера и, таким образом, он при написании этого произведения не испытал влияния двух великих социальных теоретиков. Повесть Тынянова, как представляется, отражала не только государство эпохи Павла I, но и СССР периода 1920-х гг., который характеризовался противоречием между формальным и реальным обобществлением², что нередко порождало всевозможные нелепицы в деятельности советской бюрократии.

Суть сюжета повести «Подпоручик Кижее» заключается в том, что в ней средствами эстетического мышления была отражена специфика проявления вышеупомянутого феодально-капиталистического синтеза в государственном аппарате Российской империи эпохи Павла I, т.е. того, как этот аппарат сочетал черты феодального и капиталистического государств, бюрократии и патримониального штаба управления. В силу этого коллизия, изображенная в повести Тынянова, является еще одним проявлением закономерностей, отраженных в парадоксе Миниха. Синтетический характер описанного Тыняновым государственного аппарата Российской империи требует того, чтобы к нему была применена и концепция бюрократии Маркса, и концепция легитимного господства Вебера.

В основу сюжета Тынянов положил исторический анекдот, касающийся правления Павла I и ставший широко известным, по всей вероятности, благодаря «Рассказам о временах Павла I» знаменитого лексикографа и фольклориста В.И. Даля, основанным на воспоминаниях его отца [17. С. 540–542]. Однако Тынянов переосмыслил образ Павла I и сделал несуществующего офицера Кижее вторым главным героем повести.

¹ Примечательно, что Маркс в первом томе «Капитала» понятие «die Maschinerie» не только многократно использует для обозначения системы машин как результата промышленной революции и основы индустриальной экономики в Великобритании XIX в., но применяет его иногда и для обозначения государственного аппарата («administrative Maschinerie» [6. В. 23. S. 422]), что на русский язык было переведено как «административный аппарат». Таким образом, квалифицируя государственный аппарат Российской империи как «машинерию», мы следуем традиции, заложенной К. Марксом.

² Идея о том, что главным противоречием социалистического общества является противоречие между формальным и реальным обобществлением средств производства, принадлежит советскому и российскому философу В.А. Вазюлину.

Каким же Павел I был на самом деле? Великий русский историк В.О. Ключевский изобразил Павла I как императора, который непоследовательно проводил реформы по рационализации и модернизации государства и общества, будучи при этом сложной в силу обстоятельств воспитания личностью. Ключевский отмечал в «Курсе по русской истории»: «Инстинкт порядка, дисциплины и равенства был руководящим побуждением деятельности этого императора, борьба с сословными привилегиями – его главной задачей» [18. Т. V. С. 173]. Павел I стремился упорядочить и ограничить феодальную эксплуатацию крестьянства, ограничив барщину тремя днями, но одновременно раздавал в большом масштабе казенных крестьян помещикам и боролся с призраком буржуазной революции, который бродил по Европе. Павел I стремился сделать основой империи, наряду с дворянством, также и бюрократию. Согласно Ключевскому, именно при Павле I начинается «эпоха господства или усиленного развития бюрократии в нашей истории» [18. Т. V. С. 172]. Выдающийся русский и советский историк М.Н. Покровский считал главными чертами политики Павла I полицейский надзор и мелочную регламентацию подданных, включая и дворян, а также культ милитаризма [19. Кн. 2. С. 160–163]. Историк указывал на репрессивный деспотизм Павла I, который уволил с военной службы 7 фельдмаршалов, более 300 генералов и 2 000 офицеров [19. Кн. 2. С. 169]. Покровский считал, что Павел I был не вполне психически здоровым человеком [19. Кн. 2. С. 169–170]. Современный российский историк и исторический социолог С.А. Нефедов рассматривает Павла I как реформатора, который столкнулся с активным сопротивлением со стороны традиционалистской знати Российской империи. Павел I стремился не только упорядочить и ограничить феодальную эксплуатацию, но навести порядок на государственной службе, превратив дворянство в дисциплинированную и эффективную военную и гражданскую бюрократию, усилив боевую подготовку армии, изгнав из рядов гвардии аристократическую праздность и сибаритство, противодействуя казнокрадству и всевозможным злоупотреблениям, что, в частности, выражалось в борьбе с обычаем определять малолетних сыновей дворян в гвардейские полки рядовыми с тем, чтобы они к совершеннолетию по выслуге лет получали офицерский чин, заботясь о солдатской массе и т.п. [20. Т. 2. С. 189–194]. Резюмировать эти оценки следует так: Павел I стремился принять ряд реформ по модернизации и рационализации государства и экономики Российской империи, превращению дворянства в бюрократию веберовского типа, что объективно вело общество к капиталистической перспективе, однако политика императора была не только непоследовательной и противоречивой, но и осложнялась особенностями его личности, а именно деспотичностью, неуравновешенностью, взбалмошностью, сумасбродством и жестокостью, благодаря чему императорская власть приобрела черты султанизма. И содержание, и форма власти Павла I вызвали острое недовольство со стороны феодальной знати и дворянства в целом, что привело к заговору внутри высшего слоя государственного аппарата и офицерства гвардейских полков, которые составляли привилегированную и наиболее боеспособную часть вооруженных сил и были расквартированы в Санкт-Петербурге и окрестностях, что и сделало неизбежным дворцовый переворот 11–12 марта 1801 г.

«Подпоручик Кижее» в фокусе концепции бюрократии К. Маркса

Начальный импульс событиям в повести Тынянова был дан опиской писаря гвардейского Преображенского полка, которая привела к появлению в списке офицеров этого полка несуществующего подпоручика Кижее. Писарь и иерархия командиров вплоть до окружения императора из страха перед гневом Павла I скрыли этот казус, и возникло противоречие между формальным (бюрократическим) бытием подпоручика Кижее и его реальным небытием. Для усиления восприятия этого противоречия Тынянов вводит параллельную вспомогательную сюжетную линию – противоположную коллизию (формальное небытие личности и ее реальное бытие): описка все того же писаря приводит к тому, что живой поручик Синюхаев постановляется считаться умершим и исключается из списка офицеров полка. Развитие этого двойного противоречия является квинтэссенцией сюжета произведения Тынянова. В первую очередь, оно выступает и иллюстрацией, и подтверждением второй из характеристик бюрократии, выявленных Марксом, – формализма. Бюрократия переворачивает существенное и несущественное, она вместо того, чтобы решать реальные проблемы, игнорирует их, конструируя мнимые проблемы и занимаясь их решением, сводя свою деятельность к осуществлению формальных процедур.

В повести «Подпоручик Кижее» довольно рельефно отражена третья из характеристик бюрократии, выделенных Марксом, а именно иерархия знания. Нижестоящая бюрократическая инстанция (писарь) в силу своей оплошности производит ошибочное знание (о существовании подпоручика Кижее), и оно поступает в вышестоящую инстанцию (к императору). В дальнейшем вышестоящая инстанция отдает распоряжения всем нижестоящим инстанциям, касающиеся службы Кижее, и последние подчиняются им как в высшей степени адекватным, и в течение длительного времени происходит систематическое введение в заблуждение высшими и низшими инстанциями друг друга, что, с одной стороны, позволяет несуществующему Кижее сделать карьеру, с другой – порождает у императора иллюзию, согласно которой он располагает образцовым офицером, что и определяет восходящую социальную мобильность Кижее.

Выделенные Марксом как характеристики бюрократии корпоративизм, тайна, авторитет и карьеризм в повести Тынянова отражены, но гораздо более опосредствованно, чем вторая и третья характеристики: военная бюрократия превращается в общность с солидарными интересами по введению в заблуждение императора, в поддержании его иллюзии о несуществующем офицере, государственный аппарат функционирует под покровом тайны и в условиях беспрекословного почитания авторитета вышестоящей инстанции, которая воспринимается как всеведущая и непогрешимая, а карьеризм рассматривается как естественный мотив службы, в силу чего император и продвигал Кижее вверх по карьерной лестнице.

При всей близости образно-эстетического мышления Тынянова и рационально-научного мышления Маркса существует и превосходство первого над вторым. Это проявляется в том, что Маркс рассматривает бюрократию, во-первых, аналитически, т.е. отражает ее как совокупность отдельных характе-

ристик, обособленных, равнодушно соотнесенных друг с другом сторон предмета, во-вторых, в статике, как неизменное образование, тогда как Тынянов отражает бюрократию, во-первых, синтетически, как целостность, берет стороны предмета во взаимосвязи, во-вторых, в динамике. В отличие от Маркса Тынянов показывает то, как взаимодействуют друг с другом разные стороны бюрократии, как они порождают и усиливают друг друга, достигая синергетического эффекта. У Тынянова бюрократия – живой, гибкий, пластичный, всемогущий огнедышащий монстр, у Маркса бюрократия – это расудочная схема. В силу этого в повести «Подпоручик Киж»е, пусть и посредством эстетических средств, бюрократия показана как машинерия абсурда, как мануфактура, занимающаяся расширенным воспроизводством безумных канцелярских решений. Благодаря этому бюрократия в повести Тынянова выглядит не только более ярко, живописно и зрелищно, но и более неприглядно и отталкивающе, чем в концепции молодого Маркса.

«Подпоручик Киж»е в фокусе концепции легитимного господства М. Вебера

Анализ сюжета повести «Подпоручик Киж»е с помощью концепции легитимного господства М. Вебера позволяет видеть в изображенном Тыняновым государственным аппарате эпохи Павла I синтез черт патримониального штаба управления и бюрократии. Павел I управляет российским государством и как патримониальный господин, и как господин, стоящий во главе бюрократии.

Власть Павла I является патримониальным господством, во-первых, потому, что император – это наследственный монарх, во-вторых, потому, что управляет посредством обширного и разветвленного государственного аппарата. Если быть более точным, то Тынянов показывает, что патримониальное господство при Павле I приняло форму султанизма, т.е. патримониального господства, основанного на произволе господина. Император изображен взбалмошным и жестоким деспотом, глуповатым и капризным самодуром, трусливым и ничтожным властителем, склонным к приступам гнева и страха перед своими подданными. Колебания его настроения много определяли в функционировании империи. В случае императорского гнева судьба его подданных могла резко измениться в худшую сторону: «Тогда, как с неба при ясной погоде, рушились палки на целые полки, темною ночью при свете факелов рубили кому-то голову на Дону, маршировали пешком в Сибирь случайные солдаты, писаря, поручики, генералы и генерал-губернаторы» [21. Т. 1. С. 332]. Карьера Киж»е началась с того, что и он стал жертвой жестокого самодурства Павла I, и несуществующий подпоручик после наказания плетью был сослан в Сибирь.

О том, что государство Павла I представляет собой патримониальный штаб управления, говорят, кроме того, и особенности причудливой карьеры Киж»е. Несуществующий офицер, будучи сосланным в Сибирь, был спасен фавориткой Павла I Е.И. Нелидовой, которая по просьбе своей фрейлины, принявшей Киж»е за возлюбленного, обратилась к посредничеству придворного певца и смогла выхлопотать милость императора к Киж»е, благодаря чему он был не только прощен и возвращен из ссылки, но и произведен в поручики и женат на упомянутой фрейлине. То, что Киж»е был произвольно

помилован и вознагражден, как и то, что несколько ранее произвольно наказан, является не только еще одним проявлением султанизма, но и фаворитизма, который, согласно Веберу, является одним из способов формирования патримониального штаба управления и, следовательно, характеристик его функционирования.

Важным компонентом сюжета является невероятно высокая скорость восходящей социальной мобильности Кijke – за несколько лет правления Павла I несуществующий офицер поднялся по служебной лестнице от подпоручика до генерал-майора, т.е. от чина 13-го до чина 4-го класса, согласно «Табели о рангах». Примечательно, что речь идет о карьере офицера, который не принимал участие в войнах, а ведь любая война предоставляет возможность ускорения карьер одаренных офицеров. Для того чтобы оценить карьерный взлет Кijke, вспомним, что великий русский полководец А.В. Суворов в эпоху Елизаветы I и Екатерины II проделал восхождение от поручика (чин 12-го класса) до генерал-майора за гораздо более продолжительный период – с 1754 до 1770 г., причем он принял активное участие в Семилетней войне 1756–1763 гг.

Стремительность карьеры Кijke может быть адекватно понята только благодаря тому, что государственный аппарат эпохи Павла I сочетал черты патримониального штаба управления и бюрократии. О первом говорит то, что взлет карьеры Кijke происходит не благодаря значительному сроку пребывания в должности, не достижениям и не комбинации обоих факторов, что характерно для бюрократии в концепции Вебера, а в силу того, что никому не доверяющий и взбалмошный Павел I продвигает Кijke по службе в силу спонтанно возникшей симпатии, де-факто наделяет его статусом фаворита императора. Согласно Тынянову, Павел I, пожаловавший Кijke чин генерала, полагал, что «надобно приблизить человека простого и скромного, который был бы всецело обязан ему, а всех прочих сменить» [21. Т. 1. С. 350]. Это означает, что Павел I при осуществлении восходящей социальной мобильности в своем государстве стремится использовать как критерий личную преданность незнатного офицера, а не критерии профессиональной квалификации, образования и опыта, как то подобает веберовскому чиновнику. В этом случае император действует как господин патримониально-султанистского штаба управления, а не как господин бюрократии.

Вместе с тем Тынянов указывает и на противоположные (бюрократические) мотивы, которыми руководствовался император, включая для Кijke самую высокую скорость социального лифта: «Наутро Павел Петрович просматривал приказы. Полковник Кijke был внезапно произведен в генералы. Это был полковник, который не кланчил имений, не лез в люди за дяденькиной спиной, не хвастун, не щелкун. Он нес службу без ропота и шума» [21. Т. 1. С. 350]. В данном случае император действовал как господин, возглавляющий бюрократический, а не патримониальный штаб управления. Павел I в данном случае высоко ценил Кijke с точки зрения критериев веберовского чиновника. Проанализируем характеристики, данные Павлом I Кijke как офицеру. Кijke «не кланчил имений» – это значит, несуществующий офицер скромно и безропотно рассчитывал только на свое строго определенное должностное жалованье (6-я характеристика чиновников в веберовской концепции бюрократии). Кijke «не лез в люди за дяденькиной спиной» – это

означает, что несуществующий офицер не стремился стать бенефициарием присвоения должности и злоупотребления служебным положением в форме nepотизма со стороны дядюшки (9-я характеристика). Кижe воспринимался как «не хвастун, не шелкун» – это значит, что несуществующий офицер был предан, в первую очередь, должностным обязанностям, был скромным, прямым, честным (1-я характеристика). Кижe «нес службу без ропота и шума» – это значит, несуществующий офицер беспрекословно подчинялся строгой и единообразной дисциплине (10-я характеристика). Кижe тем самым резко выделялся на фоне прочих офицеров, к которым названные Павлом I качества были применимы в положительном контексте, что и делало их типичными членами патримониального штаба управления. Кижe проявил себя как одинокий идеальный веберовский бюрократ, заброшенный в беспросветность патримониального штаба управления, за что его и почел необходимым продвигать Павел I. Заметим, что юмор повести «Подпоручик Кижe» заключается в том, что эталонным чиновником в условиях государства, основанного на феодально-капиталистическом синтезе, оказывается тот, кто не существует. Примечательно, что Тынянов показывает диалектику патримониально-бюрократического государства эпохи Павла I, в котором противоположности переходят друг в друга и порождают друг друга – несуществующий офицер, служа как идеальный веберовский чиновник, становится фаворитом императора, т.е. высокопоставленной персоной патримониального штаба управления. Это означает, что капиталистическо-бюрократические начала в Российской империи эпохи Павла I подверглись преобразованию в духе феодально-патримониальных начал.

Заключение

В настоящей статье впервые в отечественной и мировой научной литературе была предпринята попытка проанализировать сюжет повести советского писателя Ю.Н. Тынянова «Подпоручик Кижe» с помощью концепции бюрократии раннего К. Маркса и концепции легитимного господства позднего М. Вебера. Повесть Ю.Н. Тынянова выделяется среди других произведений мировой художественной литературы о бюрократии тем, что с помощью гротеска подчеркивает характеристики этого социального явления. Обе концепции в равной мере необходимы для более глубокого понимания повести «Подпоручик Кижe»: некоторые компоненты сюжета могут быть поняты в полной мере только благодаря идеям Маркса, а некоторые – только благодаря идеям Вебера. Повесть Ю.Н. Тынянова позволяет визуализировать содержание концепций двух великих социальных теоретиков. Происходит взаимообогащение научного и эстетического мышления, поскольку каждое из них, взятое в своей обособленности, является односторонним. Вместе с тем в повести Тынянова посредством эстетических эквивалентов создан более целостный, динамичный и критический образ бюрократии, чем в концепциях Маркса и Вебера. На примере повести Ю.Н. Тынянова «Подпоручик Кижe» мы еще раз убеждаемся в том, что эстетическое мышление, будучи, безусловно, в целом в силу своей природы менее глубоким и универсальным, чем научное мышление, в определенных случаях опережает его в отражении существенных закономерностей окружающего мира.

Список источников

1. Гегель Г.В.Ф. Лекции по эстетике. Т. 1, 2. СПб.: Наука, 2001.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. 2-е изд. Т. 1–50. М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1955–1981.
3. Лукач Д. Своеобразие эстетического. Т. 1–4. М.: Прогресс, 1985–1987.
4. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: Хранитель, 2006.
5. Паркинсон С. Законы Паркинсона. М.: Прогресс, 1989.
6. Crozier M. The Bureaucratic Phenomenon. New York: Routledge, 2017.
7. Rizzi B. The Bureaucratisation of the World. New York: Free Press, 1985.
8. Джилас М. Новый класс. М.: Новости, 1992.
9. Wittfogel K.A. Oriental despotism. A comparative study of total power. New Haven and London: Yale University Press, 1957.
10. Восленский М.С. Номенклатура. Правящий класс Советского Союза. М.: Советская Россия, 1991.
11. Гегель Г.В.Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990.
12. Marx K., Engels E. Gesamtausgabe (MEGA). Erste Abteilung. Werke, Artikel, Entwürfe. Band 2. März 1843 bis August 1844. Berlin: Dietz Verlag, 1982.
13. Weber M. Gesamtausgabe. Abteilung I: Schriften und Reden. Band 23. Tübingen: J.C.B. Mohr (Paul Siebeck), 2013.
14. Marx K., Engels E. Werke. Bände 1–50. Berlin: Dietz Verlag, 1960–1990.
15. Пушкин А.С. Собрание сочинений: в 10 т. М.: Гос. изд-во худ. литературы, 1956–1962.
16. Россия и русский двор в первой половине XVIII века. Записки и замечания гр. Эрнста Миниха. СПб.: Типография В.С. Балашева, 1891.
17. Даль В.И. Рассказы В.И. Даля о временах Павла I // Русская старина. 1870. Т. 2. 3-е изд. СПб., 1875.
18. Ключевский В.О. Сочинения: в 9 т. М.: Мысль, 1989.
19. Покровский М.Н. Избранные произведения: в 4 кн. М.: Мысль, 1965–1967.
20. Нефедов С.А. История России. Факторный анализ. Т. 1, 2. М.: Территория будущего, 2010, 2011.
21. Тьянянов Ю. Сочинения: в 2 т. М.: Худ. литература, 1985.

References

1. Hegel, G.W.F. (2001) *Leksii po estetike* [Lectures on Aesthetics]. St. Petersburg: Nauka.
2. Marx, K. & Engels, F. (1955–1981) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. 2nd ed. Moscow: Gos. izd-vo polit. literaturey.
3. Lukach, D. (1985–1987) *Svoeobrazie esteticheskogo* [The Uniqueness of the Aesthetic]. Moscow: Progress.
4. Merton, R. (2006) *Sotsial'naya teoriya i sotsial'naya struktura* [Social Theory and Social Structure]. Translated from English. Moscow: Khranitel'.
5. Parkinson, S. (1989) *Zakony Parkinsona* [Parkinson's Law]. Moscow: Progress.
6. Crozier, M. (2017) *The Bureaucratic Phenomenon*. New York: Routledge.
7. Rizzi, B. (1985) *The Bureaucratisation of the World*. New York: Free Press.
8. Djilas, M. (1992) *Novyy klass* [The New Class]. Translated from English. Moscow: Novosti.
9. Wittfogel, K.A. (1957) *Oriental despotism. A comparative study of total power*. New Haven and London: Yale University Press.
10. Voslenskiy, M.S. (1991) *Nomenklatura. Pravyashchiy klass Sovetskogo Soyuza* [The Nomenclature. The Ruling Class of the Soviet Union]. Moscow: Sovetskaya Rossiya.
11. Hegel, G.W.F. (1990) *Filosofiya prava* [Philosophy of Law]. Translated from German. Moscow: Mysl'.
12. Marx, K. & Engels, E. (1982) *Gesamtausgabe (MEGA). Erste Abteilung. Werke, Artikel, Entwürfe*. Band 2. März 1843 bis August 1844. Berlin: Dietz Verlag.
13. Weber, M. (2013) *Gesamtausgabe. Abteilung I: Schriften und Reden*. Band 23. Tübingen: J.C.B. Mohr (Paul Siebeck).
14. Marx, K. & Engels, E. (1960–1990) *Werke*. Berlin: Dietz Verlag.
15. Pushkin, A.S. (1956–1962) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Moscow: Gos. izd-vo khud. literaturey.
16. Minich, E. (1891) *Rossiya i russkiy dvor v pervoy polovine XVIII veka. Zapiski i zamechaniya gr. Ernsta Minikha* [Russia and the Russian Court in the First Half of the 18th Century. Notes and Comments by Count Ernst Minich]. St. Petersburg: V.S. Balashev.

17. Dal, V. I. (1875) Rasskazy V. I. Dalya o vremenakh Pavla I [Stories by V.I. Dahl about the times of Paul I]. In: *Russkaya starina*. Vol. 2. St. Petersburg: [s.n.]. pp. 540–542.
18. Klyuchevskiy, V.O. (1989) *Sochineniya* [Works]. Moscow: Mysl'.
19. Pokrovskiy, M.N. (1965–1967) *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Moscow: Mysl'.
20. Nefedov, S.A. (2010–2011) *Istoriya Rossii. Faktornyy analiz* [History of Russia. Factor Analysis]. Moscow: Territoriya budushchego.
21. Tynyaynov, Yu. (1985) *Sochineniya: v 2 t.* [Works in 2 vols]. Moscow: Khud. literatura.

Сведения об авторе:

Рахманов А.Б. – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры истории и теории социологии социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия). E-mail: azrakhmanov@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Rakhmanov A.B. – Dr. Sci. (Philosophy), professor at the Department of History and Theory of Sociology, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: azrakhmanov@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 22.08.2025;
одобрена после рецензирования 02.10.2025; принята к публикации 24.10.2025
The article was submitted 22.08.2025;
approved after reviewing 02.10.2025; accepted for publication 24.10.2025*